

НЕ ТАК СТРАШЕН УЧЕТ...

Сергей КОПОРОВ,
главный врач наркологического
диспансера №1

В последнее десятилетие на Россию нахлынула волна наркомании. Но при этом и проблема алкоголизма никак не делась, она по-прежнему актуальна.

Сейчас в Москве около ста тысяч алкоголиков. Это лишь те, кто состоит на учете. На самом деле таких значительно больше – раза в 3-4. Их количество за последний год немного снизилось, но в основном за счет роста смертности. Правда, в городе сократилась смертность от алкогольных психозов, да и самих психозов стало меньше. Думаю, это говорит в первую очередь о качестве медицинской помощи.

Как бы ни относилось наше население к наркологии, она все же находится на высоком уровне.

Когда меня просят охарактеризовать людей, страдающих алкоголизмом, - назвать их средний возраст, социальное положение и т.д., - я затрудняюсь это сделать. Составить портрет среднего алкоголика можно, лишь опираясь на данные учета. Но встают на него люди неохотно. В их представлении тот, кто находится на учете в наркологическом диспансере, социально дискриминирован.

Сегодня на радио, телевидении, в печатных СМИ активно

рекламируются самые разные препараты (в том числе и БАД) для лечения больных с алкогольной зависимостью. Вся эта реклама вызывает у наркологов порой улыбку, а чаще глубокое сожаление: ведь такие обещания – не более чем обман, коммерческая фармацевтическая экспансия, нахальное продвижение своей продукции на рынок. Биологического вреда эти препараты, может, и не принесут, но драгоценное время будет потеряно.

Проблема лечения алкоголизма очень серьезная и комплексная – это установлено давно. В процесс вовлечены это количество систем организма, что единого препарата для лечения просто нет. У человека нарушены межличностные и семейные связи, его психика переориентирована на удовлетворение своей потребности... Ему требуется лечение и психотерапевтическое, и психологическое, и медикаментозное. Чудес не бывает - ле-

читься нужно долго и комплексно.

Алкоголизм – болезнь много-стадийная. Сначала человек может быть ситуационным пьяницей, потом его начинает тянуть к выпивке все сильнее, ему уже неинтересно жить без спиртного, все вокруг как-то невесело... А как выпил, сразу жизнь налаживается. Потом появляются симптомы повреждения внутренних органов, начинается похмельный синдром, неврологические расстройства... В общем, болезнь прогрессирует. И если у пьющего человека нет чего-то из перечисленного мной, это вовсе не значит, что он не заболел. На начальном этапе болезнь уже есть. И чем раньше человек осознает это и примется за лечение, тем легче ему будет избавиться от этой проблемы.

Еще раз повторю: панацеи в виде какой-то таблетки или укола от алкоголизма нет. Излечение – процесс долгий и трудный. В идеале оно длится три года. Для этого и был придуман диспансерный учет, а вовсе не для того, чтобы человека не пустить за руль, не дать ему в руки ору-

жия, оградить от работы с механизмами... Если через три года у пациента все в порядке и он не пьет, то его снимают с учета по выздоровлению. Все это время человек и его родственники (как правило, созависимые) активно сотрудничают с докторами – выскокого уровня специалистами, психотерапевтами и психологами. В нашем диспансере (пока, правда, единственным во всем городе) есть отделение лечения углубленными методами психотерапии. В течение трех-четырёх месяцев можно бесплатно посещать сеансы гипноза.

Знаю, что люди состоятельные предпочитают обращаться в платные клиники. Я неплохо отнесусь к частной медицине – сам там проработал несколько лет. Но ее услуги сейчас очень дороги. Недавно я узнал, что один день в частной клинике стоит шесть тысяч рублей. Ну, ляжет человек на двадцать дней, заплатит 120 тысяч рублей. Но ведь за это время его проблема не решится. Это лишь самый краткосрочный и простой этап. А основное комплексное лечение, включающее изменение

психики человека в нужную сторону, только начинается. Длится этот процесс как раз около трех лет, и, как правило, это никому не по карману. В диспансере же все можно делать совершенно бесплатно. Но многие люди боятся пресловутого учета как огня... И того не знают, что мы давно уже ставим на него далеко не всех. Если же человека «учили», то информация об этом строго конфиденциальна. Наконец, есть кабинеты анонимного приема, в которых все три года человек может наблюдаться и лечиться.

По распоряжению Департамента здравоохранения во всех диспансерах должны быть открыты реабилитационные амбулаторные отделения. Может, пока они не везде успели появиться, но процесс идет. У нас это отделение работает уже полгода.

Излечение от алкоголизма – тяжелый труд для самого больного. То, что не бывает бывших алкоголиков, – это миф. Помните: вылечиться можно и нужно. Просто не занимайтесь самолечением и не поддавайтесь нечестной рекламе.

Информация о возможной угрозе диверсионного террористического акта на транспорте России, которую распространил во вторник, 16 января, оперативный штаб Национального антитеррористического комитета (НАК), стала на минувшей неделе самой важной новостью и самой дискутируемой темой для СМИ. Восприняли эту информацию по-разному. Одни позитивно. Другие – с недоумением. Третьи – критически. Не было только тех, кто отнесся бы к ней равнодушно. Это понятно: случай беспрецедентный – никогда доселе подобная информация не доводилась до населения.

Как же относиться к самому факту ее появления? Хотелось бы сразу четко подчеркнуть: спокойно и с пониманием. Как к сообщению о том, что существует наличие некоей террористической угрозы. Не более и не менее.

Эта информация свидетельствует о том, что деятельность НАК становится более открытой. Для населения России это как-то совсем необычно. Но в принципе подобная практика существует и оправдывает себя во многих странах мира. То, что теперь и НАК начал осваивать эту непривычную россиянам практику, очевидно, следует считать в целом положительной тенденцией. По большому счету это значит: наше общество развивается, становится восприимчивым к соответствующему зарубежному опыту.

В том, что НАК объявил тревогу правильно, сомнений нет. Информация, насколько об этом можно судить, была по-

ПОКА УСПОКАИВАТЬСЯ РАНО

Геннадий ГУДКОВ,
член комитета Государственной думы РФ
по безопасности

лучена из достоверных, проверенных источников. При таких источниках я бы тоже не взял на себя ответственность скрыть ее от населения.

Проблема лишь в том, что с ней, этой информацией, делать дальше? И вот тут, увя, у НАК первый блин вышел комом. Нужно было не просто объявить о том, что получена такая-то и такая-то информация, но и элементарно успокоить людей. Сообщить, например, какие меры приняты для их безопасности. А кроме того, рассказать людям об их дальнейших действиях: как себя вести, что делать. Призвать, наконец, население просто к спокойствию.

Конечно, такой паники, чтобы люди бежали, уезжали, собирали чемоданы, не было. Но были ведь очень тревожные ощущения. Многие отказались от поездок в метро, электричках. Резко снизилось посещение торговых центров, кинотеатров, театров. Есть статистика: до трети меньше людей стало в

местах массового скопления. То есть люди на всякий случай начали отбывать механизм собственной самозащиты.

В чем видится главная недоработка НАК? Видимо, требовалось просто более откровенное общение, разъяснительная работа с населением. Думаю, люди с пониманием отнеслись бы к этому. Остается лишь надеяться, что подобных промахов не случится в будущем. О будущем между тем задумываться приходится постоянно. Конечно, сегодня угроза террористических актов в России несколько снизилась. Но в то же время развиваются некие совершенно новые тенденции (растущая интернационализация террористического подполья, попытки преступников получить доступ к новым технологиям и материалам, в том числе для создания так называемой грязной бомбы, отравляющих веществ и др.), оставляющие эту угрозу весьма актуальной.

Ситуация в нашей стране известна. Конечно, в целом зримые успехи достигнуты непосредственно на территории Чечни. Но, к сожалению, наблюдаем и иное явление: в результате выдавливания с территории Чечни террористы начинают уходить на сопредельные регионы. Рост преступлений отмечается, в частности, в Дагестане. По-прежнему слабым звеном остается Ингушетия. В Северной Осетии наблюдается значительное число преступлений. Так что успокаиваться еще рано. Не один год, думаю, мы будем заниматься этой серьезной, тяжелой проблемой.

В таких условиях нельзя не сделать выводов из собственных промахов и просчетов. Только это может помочь спецслужбам и правоохранительным органам в их борьбе с общим врагом – терроризмом. Скажем, они должны доводить до населения информацию о террористической угрозе. Но это должна быть не чисто информативная, а действительно разъяснительная работа, задача которой – дать понимание, еще раз напомнить, что и как делать в случае некоей потенциальной угрозы, подсказать, как и чем люди могут помочь в определенной ситуации своей правоохранительной системе.

Граждане не могут, не должны и не обязаны сами бороться с террористами. Но помочь своим правоохранительным органам они, конечно, в состоянии. Хотя бы своевременной информацией о про-

исходящих событиях, что зачастую позволяет предотвратить массу бед и преступлений, реагируя на подозрительных людей, на оставленные без присмотра предметы, на какие-то перемещения с элементами конспирации грузов, машин. Все эти признаки каждый знает, как говорится, наизусть.

Сказав об этом, не могу не упомянуть и о другом – о том, чего еще нет в нашем законодательстве. Нет, в частности, закона, который касался бы безопасности жилых домов, детских садов, учебных заведений. Между тем он крайне необходим. Вспомним, что было после взрывов домов в Москве: люди вышли на охрану своих подъездов, а оказалось, что законодательно у них нет ни полномочий, ни возможности это сделать. Соответствующий законопроект был без промедления подготовлен группой депутатов Госдумы РФ. Увы, прошли годы, а он до сих пор пребывает под сукном без движения.

Информация, распространенная НАК, преследовала вполне понятную цель: мобилизовать бдительность россиян в условиях, когда имеются агентурные сведения о возможном теракте. Мотивы спецслужб мне ясны. Экстремизм, в каких бы формах он ни проявлялся, угрожает безопасности страны, благополучию каждого из нас. Конечно, главная роль в борьбе с ним принадлежит государственной безопасности. Но еще эффективнее эта борьба станет, если мы всем миром поможем своей правоохранительной системе одолеть террористов.

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ДОБРА И ЗЛА

Константин КОСАЧЕВ,
председатель комитета
Государственной думы по
международным делам

На прошлой неделе Госдума приняла обращение к правительству и президенту, призвав их строить отношения с Эстонией так, как она того заслуживает. Поводом к этому, как известно, стало принятие эстонскими парламентариями так называемого закона об охране воинских захоронений. «Охрана» эта может обернуться демонстрацией в центре Таллина памятника советским воинам-освободителям.

Не случайно большинство россиян воспринимают провокационные действия эстонских парламентариев как посягательство на наши сакральные ценности, наших героев. Как бы ни развивалась история этой прибалтийской республики в предвоенный и послевоенный периоды, люди, которые погибли на территории Эстонии в момент ее освобождения от гитлеровской оккупа-

ции, отношения ко всему этому не имеют. Эти люди сражались с фашистами на всех фронтах, включая тот фронт, который проходил по территории Эстонии. И они сложили головы не только ради Эстонии, но и ради Европы, а во имя победы всего человечества в борьбе с нацистской угрозой. Эстония в одиночку противостоять никак не могла.

Вклад советских солдат и офицеров в ликвидацию коричневой чумы был решающим. И когда спустя столько лет могилы наших героев собираются вскрыть и куда-то перенести, когда им приписываются самые немислимые грехи, это выходит за границы здравого смысла. Было бы кощунством обращаться с этими могилами, как с могилами оккупантов: дескать, вам не место здесь лежать, вы будете лежать там, где мы ука-

жем. И в том виде, в котором укажем. Это за пределами добра и зла...

Конечно, Советский Союз был не безгрешен по отношению к Эстонии (хотя и вклад его в развитие этой республики неоспорим). Однако это совсем другая история. О ней можно говорить, но отдельно. А когда тема эта оказывается в заложенных у политической конъюнктуры, это не может не вызвать неприятия и отторжения. Отсюда такая реакция россиян, Государственной думы.

Надо отметить: текст заявления, который в итоге был принят, является самым умеренным из всех возможных вариантов. Предложения, которые звучали в ходе дискуссии в Госдуме, были куда более радикальными. Начиная от требований разорвать торгово-экономические отношения с Эстонией уже сейчас, не дожидаясь, пока закон будет реализовываться на практике, и заканчивая требованием запретить въезд в Россию тем 66 депутатам эстонского парламента, которые проголосовали за этот закон.

Думаю, это преждевременно. Реакция на политический демарш должна быть политиче-

ской. Исполнительные власти в Эстонии еще могут отказаться от того, чтобы предпринимать что-либо во исполнение этого закона. Есть надежда, что здравый смысл возобладает и до крайностей дело не дойдет. Для того чтобы предпринимать какие-то практические действия по реагированию на ситуацию, надо дожидаться практических действий с эстонской стороны. Именно таким образом мы и разделили эту ситуацию. Наша политическая реакция ограничилась отказом от политических контактов с эстонскими партиями, которые инициировали этот законопроект, - их четыре, и они нам известны.

Наконец, мы дали полномочия президенту и правительству реагировать на практические шаги по реализации этого закона. Мы будем следить за развитием ситуации. Мы не захлопнули двери и не сожгли мосты, а послали ясный политический сигнал нашим соседям. Известно, что в Эстонии эта ситуация тоже воспринимается неоднозначно и эстонское общество расколото. Ему надо помочь выработать какой-то гражданский консенсус. К тому же 4 марта в Эстонии предстоят пар-

ламентские выборы, и на все, что сейчас происходит там, нужно смотреть сквозь призму избирательной кампании.

Не остается равнодушной к происходящему в этой стране и Европа. Президент ПАСЕ голландец Рене ван дер Линден публично осудил злополучное решение эстонского парламента. Такое же заявление сделал лидер Европейского еврейского конгресса. Неужели эстонцы всего этого не видят, продолжая твердить, что это их внутреннее дело?

Напомню, что в соответствии с Женевской конвенцией 1949 года об охране воинских захоронений такого рода вопросы должны регулироваться на двусторонней основе. Страной, где находится захоронение, и страной, чьи герои похоронены в этой земле. Россия имеет такие договоры с десятью государствами. Причем все десять - государства, которые в годы Второй мировой воевали против СССР. Это Германия, Италия, Венгрия, Япония, Румыния, Финляндия... Соглашения эти действуют, а их основополагающие принципы очень просты. Первое: страна обязуется хранить захоронения в надлежащем виде. Второе: если с этими захоронениями что-то предполагается сделать, то только по взаимному согласию сторон.

Это касается и могил тех немецких, румынских, венгерских солдат, которые находятся на территории России. Я с удивлением обнаружил, что во многих наших регионах к реализации соответствующих межправительственных соглашений местные власти относятся очень педантично. Скажем, постановлением главы того или иного района милиционеры предписывается изменить маршруты патрулирования - с тем чтобы обязательно идти вдоль немецких захоронений, не допуская никаких актов вандализма. Органам ЖХХ предписывается посадить кустарник вокруг этих захоронений, школам - взять над ними шефство. Вот пример цивилизованного отношения к мертвым. И дело здесь не только в моральной стороне, но и в том, что все эти вопросы мы своевременно оформили юридически.

Между тем с Эстонией переговоры о заключении аналогичного договора делятся больше десяти лет. Но воз и ныне там, соглашения нет. Не потому ли, что в его проекте черным по белому написано: никаких действий по памятникам и могилам без согласия противоположной стороны не допускается. Судя по всему, это и не устраивает официальный Таллин.